

НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ СИНТАКСИСА ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ РЕЧИ

В статье анализируются некоторые перспективные направления в изучении синтаксиса эмоциональной речи с помощью классификации, основанной на представлении об эмоциональных конструкциях как о деформациях «ядерного предложения», коррелирующих с основными типами эмоциональных состояний. Рассматриваются такие аспекты исследований, как отграничение форм эмоциональной речи от других форм деформированной речи; типологическое сопоставление способов реализации эмоций в различных языках; прогнозирование поведения человека по особенностям его речи; изучение синтаксических коррелятов таких вневингвистических характеристик говорящего в состоянии эмоционального напряжения, как пол, возраст, социальная принадлежность и т. п.; адекватное восприятие эмоциональной речи в неродном языке и др.

Эмоциональная речь представляет собой весьма своеобразную форму речи, характеризующуюся собственными базовыми элементами и закономерностями их функционирования на всех уровнях – фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом. Наблюдения над эмоциональной речью показали, что средства выражения эмоциональности непосредственно связаны с различными видами деформаций (1, 2, 3, 4). В частности, синтаксическое своеобразие эмоциональной речи состоит в том, что реализуемые формы представляют собой деформации структур, характерных для нейтральной речи. Такого рода деформации возникают в результате воздействия бурно протекающих эмоциональных состояний (аффектов) на речемыслительные процессы.

Несмотря на то, что особенности синтаксиса эмоциональной речи достаточно давно привлекают к себе внимание исследователей, разработка универсальной классификации синтаксических форм, способной адекватно описать структуру любого эмоционального высказывания, до сих пор остается актуальной задачей. Адекватность описания рассматриваемого объекта (эмоциональной речи) предполагает наличие у разрабатываемой классификации следующих свойств: *однозначности, полноты и коррелятивности*.

Однозначность классификации означает наличие правил, позволяющих любому эксперту идентифицировать выделенные стандартные формы (признаки) эмоционального высказывания.

Полнота классификации предполагает возможность описать структуру любого эмоционального высказывания с помощью выделенного набора конструктивных форм.

Коррелятивность классификации заключается во взаимосвязи между выделяемыми собственно структурными признаками и другими

(в том числе экстралингвистическими) аспектами эмоциональной речи. Другими словами, классификация должна обладать прогностическим потенциалом, то есть позволять на основе анализа структуры высказывания делать обоснованные заключения относительно соотносимых с ней вневингвистических признаков эмоциональной речи. В противном случае нет оснований считать, что классификация действительно отображает глубинные особенности исследуемого объекта и будет полезна (5).

В основу разработанной классификации синтаксических структур эмоциональной речи (6) было положено два постулата.

1. Выделяемые стандартные синтаксические конструкции (первичные классификационные признаки) отражают типичные формы деформации свойственного нейтральной речи «ядерного предложения» (7) и образуют структурную парадигму трансформаций ядерного предложения.

2. Выделение значимых признаков производится с учетом их корреляции с разработанной в психологии классификацией типов психологических состояний, возникающих в состоянии эмоционального напряжения и влияющих на механизмы речеобразования (8, 9, 10, 11).

Упомянутые психологические состояния соответствуют определенным субкатегориям предикативной парадигмы предложения внутри микропарадигмы «эмоциональность» и могут при лингвистическом анализе рассматриваться как таковые (12). Количественный и качественный характер *конкретной* эмоции при таком подходе игнорируется. Этим предлагаемая классификация отличается от ряда предшествующих вариантов, где связь устанавливалась именно с определенным эмоциональным состоянием (радость, страх, гнев, печаль и т. д.).

Дело в том, что количественные и качественные характеристики эмоциональных про-

явлений не всегда могут объяснить механизм их влияния на речевую деятельность. Одна и та же эмоция может выражаться в речи по-разному, и наоборот, знак протекания эмоции – положительный или отрицательный – не связан непосредственно с процессом речеобразования. Так, восторг может оказывать деформирующее воздействие на процессы речепорождения, вызывать сужение сознания и способствовать возникновению ступора точно так же, как страх или отчаяние. Напротив, сильный гнев или ярость в ряде случаев оказывают стимулирующее влияние на работу сознания, поскольку с психофизиологической точки зрения отрицательные эмоции могут быть источником силы для больших полушарий головного мозга, являясь необходимым стимулом для активной жизни людей. Поэтому при установлении корреляционных связей между эмоциональным состоянием говорящего и реализуемыми им структурными формами представляется целесообразным рассматривать не сами эмоции, а более общий фактор: возникающие под их воздействием психологические состояния – «измененные состояния сознания», – оказывающие непосредственное влияние на речемыслительные процессы (10). Можно выделить три типа таких эмоциональных состояний: состояние диссоциации, оказывающее деформирующее влияние на механизмы речепорождения, состояние эвстресса, стимулирующее речемыслительную деятельность говорящего, и пограничное адаптационное состояние, являющееся пограничной фазой перехода от состояния диссоциации к состоянию эвстресса.

Для *состояния диссоциации* характерно торможение сложных форм поведения и временное восстановление менее сложных, более стереотипных форм реакций, включая речевые. При *пограничном адаптационном состоянии* (названном «*поисковым*»), за неимением специального термина) говорящий стремится преодолеть деформирующее воздействие эмоциональных процессов на сознание. Выполнение коммуникативной задачи в данном случае осложняется затруднениями в выборе смысловых и структурных компонентов высказывания, адекватных целям коммуникации. В *состоянии эвстресса* эмоции оказывают благотворное влияние на речемыслительные процессы, при этом знак протекания эмоционального возбуждения не имеет значения. Поскольку положительные эмоции свидетельствуют об удовлетворении потребно-

стей, а отрицательные – об их неудовлетворении, то говорящий стремится «максимизировать (усилить, продлить, повторить) первое состояние и минимизировать (ослабить, прервать, предотвратить) второе» (13). Учет особенностей мотивации деятельности говорящего в состоянии эвстресса позволяет сделать вывод о том, что воздействие на собеседника входит в его интенцию и является одной из коммуникативных задач (4, 14). Исходя из данной особенности рассматриваемого состояния оно названо «*апеллятивным*».

Выделяемый трехчленный ряд психологических состояний является базой для установления корреляционных связей между типом психологического состояния и конструктивными характеристиками речи и позволяет разработать структурную классификацию, отвечающую названным выше требованиям коррелятивности, полноты и однозначности.

Разработанная классификация включает срок первичных признаков, определяемых в рамках отдельного предложения или, в отдельных случаях, на уровне элементарной тематической единицы связной речи – диктемы или диктемной группы – диктемы (15) в соответствии с жестким алгоритмом идентификации на основе структурных особенностей высказывания.

Как было сказано выше, в основу разрабатываемой структурной классификации положено представление о том, что влияние психологического состояния говорящего на процесс речеобразования заключается в отклонениях структуры эмоционального высказывания от структуры ядерного предложения. Под воздействием эмоционального состояния говорящего признаки ядерного предложения деформируются, в результате чего возникает ряд неких трансформаций с новыми признаками; при этом дифференциация признаков наиболее общих классификационных рядов приводит к выявлению более частных рядов первичных классификационных признаков, непосредственно коррелирующих с тем или иным типом эмоционального состояния говорящего.

Алгоритм идентификации первичных признаков представляет собой трехступенчатую процедуру и состоит из следующих этапов: первый этап – этап дихотомического разбиения всех отклонений от структуры нейтрального ядерного предложения на экспликативные и имплекативные, второй этап – этап выделения модификаций эмоциональных форм в рамках экс-

пликативной и импликативной реализаций, третий этап – этап дифференциации более частных, «первичных» признаков внутри каждой из модификаций.

На первом этапе идентифицируются те наиболее общие признаки, которые отличают нейтральную языковую область от ненейтральной. С этой целью используется предложенное Ю.М. Скробневым дихотомическое подразделение всей коллоквиальной специфики на экспликационную и импликационную (16, 17). Выделение экспликативных и импликативных форм деформированной речи основывается на изменениях состава и функциональных характеристик ядерного предложения в целом или его отдельных элементов. Такой подход к рассматриваемым явлениям позволяет наряду с конструкциями, характеризующимися материальной перегрузкой или недостаточностью строевых элементов, выделять в качестве деформированных конструкции с особым расположением компонентов предложения, синсемантические неавтономные конструкции, а также функционально переосмысленные конструкции.

На втором этапе проводится идентификация следующего иерархического ряда признаков в эмоциональном высказывании – эмоциональных модификаций – в рамках упомянутого дихотомического деления. Основными признаками ядерного предложения являются: 1) ограничение состава позиционным минимумом, отражающим лишь обязательные синтаксические позиции; 2) ориентированность на валентностные подклассы глагола, поскольку личный глагол является организующим центром предложения; 3) строго фиксированный порядок знаменательных позиций от подлежащего через личный глагол к предикативу, дополнению и обстоятельству; 4) максимальная коммуникативная независимость структуры; 5) стилистически нейтральный характер структуры, соответствующий чистому типу «интеллективной», «рассудочной речи» (18). Выявление вариантов структурно-семантических деформаций этих признаков в рамках экспликативных и импликативных форм позволяет идентифицировать такие эмоциональные модификации, как «повтор», «материально избыточные элементы», «инверсия», «транспозиция», «разрывы потенциального синтаксического целого», «расшифровка», «эллипсис» и «изолированные элементы».

На третьем этапе осуществляется идентификация первичных признаков в рамках эксп-

ликативных (повтор, материально избыточные элементы, разрывы потенциального синтаксического целого, инверсия) и импликативных (транспозиция, эллипсис, изолированные элементы) модификаций с учетом возможного влияния разных типов психологических состояний на реализуемые формы (о принципах выделения первичных признаков см.: 6). Тестирование показало, что процесс идентификации синтаксических признаков экспертами вполне однозначен.

Тестирование также показало, что разработанная классификация достаточно полна и обладает значительным прогностическим потенциалом относительно типов психологического состояния. Анализ синтаксической структуры большинства эмоциональных высказываний из большой репрезентативной выборки позволяет правильно идентифицировать состояние говорящего. При этом с высокой степенью достоверности выявляются редкие (диссоциативные) или достаточно редко встречающиеся (поисковые) состояния. Более того, эффективность прогнозирования допускает объективную количественную оценку, и эта оценка оказалась достаточно высокой. Количественная оценка прогностического потенциала классификации на основе понятия Больцмановской энтропии выбора (19, 20) указывает на приблизительно двукратное снижение неопределенности, содержащейся в исходной выборке, в энтропийном выражении, т. е. с использованием логарифмической шкалы оценок. Поэтому прогностический потенциал разработанной классификации относительно эмоционального фактора можно рассматривать как значительный.

Поскольку психологическое состояние является определяющим фактором при порождении эмоциональной речи, есть основания полагать, что классификация, обладающая прогностическим потенциалом в отношении этого аспекта, обладает таким же потенциалом и в отношении некоторых других важных аспектов.

Безусловно, было бы наивно рассматривать разработанную классификацию как оптимальную. Вероятнее всего, при ее применении для изучения других аспектов эмоциональной речи выяснится, что некоторые из выделенных признаков мало информативны и могут быть безболезненно исключены, а некоторые признаки в классификацию придется добавить. Однако уже на данном этапе рассматриваемая классификация, по-видимому, может служить

полезным инструментом для исследования различных аспектов эмоциональной речи. Действительно, предварительный анализ некоторых статистических характеристик эмоциональной речи (употребительность признаков, сочетаемость признаков в одном высказывании, сложность структуры высказывания и др.) позволил выявить определенные закономерности и показал, что эти характеристики также коррелируют с упомянутыми психологическими состояниями (6).

Появление в распоряжении исследователя нового инструмента (классификационного ряда признаков, обладающего реальным прогностическим потенциалом относительно психологических состояний, оказывающих определяющее влияние на структурные формы высказывания при эмоциональном напряжении) позволяет использовать его при решении целого ряда задач, связанных с другими аспектами – общетеоретическими и прикладными – исследования эмоциональной речи. Ниже предлагаются некоторые направления таких исследований.

1. Одной из важных задач исследований в области эмоционального синтаксиса является разработка критериев отграничения конструкций, несущих эмотивную информацию, от других форм деформированной речи, которые могут возникать вследствие намеренной модификации или ненамеренной деформации ядерного предложения при логической эмфатизации высказывания или при разного рода затруднениях, не связанных с эмоциональным состоянием говорящего. Поскольку формы деформации структур нейтральной речи во многих случаях идентичны (к ним относятся различные виды выразительных средств языка – повторы, инверсии, эллипсисы, приемы транспонирования конструкций и др.), возникает задача выявления различий в их структурной реализации. Помимо задачи описания присущих неэмоциональной речи «деформированных» признаков встает также задача изучения специфики различных типов «деформированной» речи (эмоциональной и неэмоциональной) на основе изучения таких характеристик, как разнообразие, частотность, сложность, доминантность и сочетаемость реализуемых признаков. Более частным аспектом изучения данной проблемы является дифференциация собственно эмоциональной и псевдоаффективной (ораторской) речи. Следует отметить также, что результаты подобных исследований позволят в дальнейшем уточнить

те признаки эмоциональной речи, которые отличают ее от других форм речи, связанных с отклонениями относительно нейтральных структур, и выделить специфические эмоциональные построения.

2. Несмотря на то, что предлагаемая классификация эмоциональной речи не претендует на полную завершенность, она позволяет апробировать методологические приемы, которые могут быть применены при решении ряда задач типологического плана. В частности, со значительной долей уверенности можно полагать, что эти приемы могут быть приложимы к другим языкам, поскольку надязыковые универсалии свойственны эмоциональной речи в большей степени, чем нейтральной. Представляется, что выделение универсальных состояний, которые отражают общие механизмы воздействия эмоций на процессы речепорождения, будет способствовать решению данных задач.

3. Представляется перспективным также аналогичное сопоставление в рамках рассматриваемых типов эмоциональной речи некоторых других внелингвистических (гендерных, возрастных, социальных и др.) характеристик говорящего.

4. Результаты типологического сопоставления форм реализации эмоционального значения, безусловно, имеют большое значение для теории и практики перевода. Для адекватной передачи эмоционального значения при переводе необходимо учитывать, во-первых, функциональное тождество или различие эмоциональных проявлений в разных культурах и, во-вторых, типологический изоморфизм и алломорфизм собственно лингвистических характеристик речевых реализаций. Как упоминалось выше, разработанная классификация позволила выявить различия в сложности, частотности, разнообразии, доминантности и сочетаемости реализуемых признаков в зависимости от типа эмоционального состояния. Представляется, что именно эти характеристики должны определять выбор языковых средств при переводе. Так, например, если для универсального состояния X1 в исходном языке статистически достоверным является использование доминирующего для данного состояния признака Y1 (или сочетаний признаков Y2*Y12), а в переводящем языке – доминирующего признака Y5 (или сочетаний признаков Y2*Y8), если сложность, частотность и разнообразие признаков при протекании того или иного эмоционально-

го процесса в языках отличаются, то подобные расхождения должны непременно учитываться в переводческой практике.

5. Среди прикладных областей применения разработанной классификации как инструмента исследования можно назвать также прогнозирование поведения человека в состоянии эмоционального напряжения по особенностям его речи, прогнозирование некоторых других внелингвистических характеристик находящегося в состоянии эмоционального напряжения чело-

века (его пола, возраста, социальной принадлежности и т. п.), адекватное восприятие эмоциональной речи в неродном языке и др.

Несмотря на то, что перечень перечисленных выше задач неполон, а высказанные сообщения о пути их решения имеют в основном предположительный характер, предварительные фрагментарные исследования в названных направлениях позволяют говорить об их перспективности как в теоретическом, так и в практическом планах.

Список использованной литературы:

1. Юдина Н.Е. К вопросу об эмоциональных конструкциях в составе диалогических единств: Дис... канд. филол. наук. – М., 1973.
2. Носенко Э.Л. Специфика проявления в речи состояния эмоциональной напряженности: Дис... д-ра психол. наук. – М., 1979.
3. Синеокова Т.Н. Экспликационная специфика английских коллоквиальных конструкций, реализуемых в состоянии аффекта: Дис...канд. филол. наук. – Горький, 1989.
4. Сулова М.М. Речевое выражение аффекта // Университ. вестник. Москва – Смоленск. – 2002. – №1.
5. Бейли Н. Математика в медицине и биологии. – М., 1970.
6. Синеокова Т.Н. Парадигматика эмоционального синтаксиса: Монография. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2003.
7. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики. – М., 2000.
8. Илюхин В.А. Нейрофизиология функциональных состояний человека. – Л., 1986.
9. Киршбаум Э.И., Еремеева А.И. Психические состояния. – Владивосток, 1990.
10. Спивак Д.Л. Лингвистика измененных состояний сознания: Дис...д-ра филол. и психол. наук. – СПб, 1998.
11. Новикова Н.В. Психофизиологические исследования негативных эмоциональных состояний человека: Дис...канд. биол. наук. – Ижевск, 1999.
12. Блох М.Я., Синеокова Т.Н. Синтаксико-парадигматический анализ эмоциональной речи // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи: Межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 22. – Н. Новгород: НГЛУ, 2003. (В печати)
13. Симонов П.В. Потребностно-информационная теория эмоций // Вопр. психол. – 1982. – №6.
14. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – М., 1976.
15. Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопр. языкознания. – 2000. – №4.
16. Скребнев Ю.М. К вопросу об «ортологии» // Вопр. языкознания. – 1961. – №1.
17. Скребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику. – Саратов, 1985.
18. Блох М.Я. Проблемы парадигматического синтаксиса. (На материале английского языка): Дис...д-ра филол. наук. – М., 1976.
19. Пирс Дж. Символы, сигналы, шумы: Законы и процессы передачи информации. – М., 1967.
20. Стратонович Р.Л. Теория информации. – М., 1975.